

УДК 94(47)+281.93(571.54)

Исторический опыт взаимоотношений власти и Русской православной церкви на территории Байкальского региона в 1920–1930-е гг.

И. С. Цыремпилова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ

Аннотация. Анализируется эволюция взаимоотношений местных органов власти и православных общин на территории Байкальского региона в 1920–1930-е гг.: от нейтральных до открытого противостояния. Самодостаточность Иркутской и Забайкальской епархий, доминирующее положение по количеству верующих и духовенства, состоятельность церковного имущества и т. д. определяли направления государственной политики, полноценная реализация которой на территории Байкальского региона началась с 1920 г. Среди ключевых аспектов государственно-церковных взаимоотношений 1920–1930-х гг. следует выделить: реорганизацию епархиальных органов управления, национализацию имущества, изъятие церковных ценностей, обновленческий раскол, регистрацию религиозных обществ, экономическое давление, закрытие культовых зданий, репрессии духовенства и мирян.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, взаимоотношения, антирелигиозная политика, репрессии.

Политические и экономические преобразования в России последнего двадцатилетия, противоречивость современной социокультурной ситуации и общественных отношений обусловили сложность и многообразие конфессионального пространства. При этом продолжающаяся полемика о роли религиозных институтов в государстве, отсутствие взвешенной политики в вероисповедной сфере актуализируют изучение исторического опыта государственно-церковных взаимоотношений. Необходимость оценки уникального опыта существования и выживания Русской православной церкви в реалиях советского антирелигиозного государства стала одной из причин повышенного исследовательского интереса специалистов различных направлений к данной теме и появления большого количества публикаций [11; 15; 16].

В рассматриваемый период произошла кардинальная трансформация государственно-церковных взаимоотношений – от нейтральных и партнерских в первые годы советской власти и Гражданской войны до откровенного противостояния в 1930-е гг. светских и церковных институтов. При этом для реконструкции объективной картины необходимо проанализировать государственно-церковные взаимоотношения в региональном контексте.

На территории многонационального и поликонфессионального Байкальского региона доминирующее положение по количеству верующих принадлежало Русской православной церкви. В рассматриваемый период Забайкальская и Иркутская епархии являлись крупными и самостоятельными церковно-административными единицами Сибири. Так, в 1914 г. по Забайкальской епархии количество верующих насчитывало 519 665 чел., количество церквей – 399, часовен и молитвенных домов – 403, монастырей – 5; по Иркутской епархии количество верующих – 464 068 чел., количество церквей – 337, часовен и молитвенных домов – 207, монастырей – 4 [1, с. 433, 446]. Весомую роль в общественной жизни играло духовенство. Так, в Забайкальской епархии служило 22 протоиерея, 233 священника, 44 дьякона, 234 псаломщика; в Иркутской епархии – 25 протоиереев, 212 священников, 69 дьяконов, 210 псаломщиков [1, с. 446].

Приход к власти большевиков обусловил установление тотального контроля над жизнью общества. РПЦ рассматривалась как один из государственных институтов, обеспечивающих прочность и устойчивость свергнутой власти. При этом она обладала значительным движимым и недвижимым имуществом, солидными капиталами и др. Эти два обстоятельства стали основными факторами того, что именно РПЦ из всех конфессий первой приняла удар со стороны новой власти. Для реализации государственной политики был принят законодательный массив, который лишил церковь собственной экономической базы и господствующего статуса. В принятой партийной программе была поставлена задача по осуществлению на государственном уровне мер, ведущих к полному «отмиранию церкви».

К 1920 г. на территории Байкальского региона была окончательно установлена советская власть, которая приступила к решению религиозного вопроса. Необходимо подчеркнуть, что проведение полноценного отделения церкви от государства было затруднено из-за отсутствия адекватных механизмов для претворения декрета в жизнь, элементарного опыта и из-за несовершенства системы административно-исполнительных органов. Несмотря на это, первыми, по заключению отдела юстиции Иркутского губревкома от 15 мая 1920 г., были закрыты приходские советы, вместо которых стали создаваться приходские комитеты, но они уже не были наделены правами юридического лица. 28 сентября 1920 г. приказом отдела управления Иркутского губревкома был закрыт Иркутский епархиальный совет. Вместо него при архиерее в качестве совещательно-исполнительного органа с 1 октября 1920 г. стал действовать Иркутский духовный комитет [14, с. 45–46].

Одним из шагов по урегулированию взаимоотношений с властью стало предложение Духовного комитета об учреждении согласительной комиссии «между церковно-приходской средой и органами правительственной власти» [8, л. 24–24 об.]. Выдвинутые комиссии задачи были направлены на решение проблемы обоюдного невмешательства в области интересов, что было обусловлено негативным опытом государственно-церковных взаимоотношений в первый период советской власти. Создание согласительной

комиссии как регулирующего органа могло бы на практике способствовать развитию партнерских взаимоотношений.

На территории Забайкалья правительство созданной Дальневосточной республики (ДВР) до известных пор весьма лояльно относилось к духовенству и верующим. Оно освободило себя от заботы об удовлетворении религиозных потребностей граждан, декларировав вместе с тем свободу совести и обеспечив тем самым право церкви на самоопределение во внутренней ее жизни. Одновременно была начата реорганизация системы церковно-административного управления с создания коллегиального органа – епархиального совета. 18 июня 1922 г. было принято специальное постановление Забайкальского епархиального собрания, согласно которому определялось положение епархиального совета как «избранного административно-исполнительного органа в епархии». В обязанности совета входило «во всех необходимых случаях и перед всеми правительственными и общественными учреждениями и лицами, руководствуясь церковно-каноническими положениями и законами ДВР, выступать от лица духовенства и православного народа Забайкалья в защиту религиозных и церковно-имущественных прав и интересов церкви» [6, л. 1].

В то же время одним из наиболее жестких было решение новой власти об изъятии у церкви монастырей, сооружений и имущества. Национализация монастырского имущества при активном участии спецслужб была проведена в 1920–1921 гг. Однако этот процесс в Байкальском регионе, в отличие от центральных районов, не привел к ликвидации самих монастырей. Это стало возможным благодаря перемене статуса храмов из монастырского в приходской. Наиболее оскорбительной для чувств верующих стала кампания по ликвидации мощей святых. В 1921 г. были вскрыты мощи святителя Иннокентия (Кульчицкого), хранившиеся в Иркутском Вознесенском монастыре.

16 (23) февраля 1922 г. ВЦИК РСФСР принял декрет «Об изъятии церковных ценностей» для оказания помощи голодающим, который стал основным инструментом широкой антирелигиозной кампании. В Байкальском регионе последствия перманентной смены политических режимов 1917–1922 гг., затянувшийся процесс национально-государственного строительства не позволил местным властям развернуть широкомасштабное изъятие церковных ценностей. Наиболее «результативно» эта кампания была проведена на территории Иркутской губернии в 1922 г. Механизм кампании здесь мало чем отличался от механизмов в других регионах и включал в себя создание специальных комиссий, контроль со стороны партийных и силовых структур, развертывание агитационных мероприятий, проведение показательных демонстраций, аресты священников и верующих и т. д.

Изъятие церковных ценностей проходило в два этапа. Первоначально изъятие проводилось в крупных городах. Так, в секретной телеграмме под литерой «А» за подписью секретаря Иркутского губкома РКП(б) М. Левитина секретарям уездных комитетов отмечалось, что «изъятие необходимо начать в городских богатых приходах, благоприятно настроенных, затем переходить в деревни, руководствуясь политическими соображениями» [10, л. 25].

Кампания вызвала отрицательное отношение населения к самой власти, так как осуществлялась силовыми методами, начиная от административного давления на церковь и верующих и завершая применением военной силы и репрессий против церковнослужителей [13, с. 539]. Верующие рассматривали эти события как поругание православной церкви, надругательство над святынями, оскорбление их чувств. Что касается объемов изъятых церковных ценностей, то установить их точные размеры не представляется возможным. В газете «Власть труда» был подведен общий итог изъятия церковных ценностей по г. Иркутску в следующих размерах: серебро – 127 пудов 12 фунтов 3 золотника 81 доля; золото – 1 пуд 34 фунта 26 долей; бриллианты – 787 шт.; розочки бриллиантовые – 16 шт.; изумруды – 7 шт.; яхонт – 34 шт.; аквамарин – 29 шт. [3].

Однако количество изъятых ценностей было явно недостаточным и ничтожным, чтобы решить проблему голода в стране, и не отвечало планам партийного руководства, так как стоимость хранившихся в церквях драгоценностей была существенно преувеличена. Также стоит учитывать и то обстоятельство, что еще до начала кампании по изъятию ценностей церковь подверглась ряду конфискаций и реквизиций со стороны власти.

Параллельно с этими мероприятиями власть переходит к тактике использования обновленчества с целью раскола единого конфессионального поля на староверцев (тихоновцев) и «живоцерковцев» (обновленцев). Несмотря на наличие внутренних противоречий в РПЦ, обновленческий раскол в 1922 г. не смог бы произойти без поддержки партийно-государственных и силовых структур. Советская власть, поняв невозможность быстрой ликвидации религии и ее институтов, взяла курс на внутреннее разложение церкви. Обновленческая церковь задумывалась как единственная законная церковь в стране и противопоставлялась патриаршей. Региональные власти заявили о поддержке обновленческого движения. РПЦ оказалась в сложной обстановке, так как ей предстояло противостоять не только внутрицерковному расколу, но и новой изощренной тактике антицерковной борьбы государства.

На территории Байкальского региона обновленческое движение началось в Иркутской епархии с 1922 г. [12, с. 442], в Забайкальской епархии – с 1923 г. [4, л. 5]. На протяжении всего периода происходила постоянная трансформация обновленческих структур: в Иркутской епархии – Иркутское епархиальное церковное управление / Иркутское губернское церковное управление / Иркутский епархиальный церковный совет; в Забайкальской епархии – Забайкальское губернское церковное управление / Забайкальский епархиальный церковный совет. А создание самостоятельной Бурят-Монгольской обновленческой епархии в 1923–1924 гг. было обусловлено в большей степени административно-территориальными изменениями региона, чем ее самодостаточностью.

Внутренняя религиозная жизнь православных общин характеризовалась борьбой между течениями, сопровождавшейся проведением агитации, созывом собраний, захватом храмов и имущества и т. д. Однако в целом обновленческое движение носило характер конформизма по отношению к вла-

сти и не получило широкой поддержки у верующих, но в деле «отмирания религии» сыграло свою определенную роль.

В первой половине 1920-х гг. начала складываться новая система государственно-церковных взаимоотношений, основой которой стала регистрация религиозных обществ. Так, Забайкальский епархиальный совет разослал по своим приходам техническую памятку для регистрации общин. В памятке были четко прописаны все необходимые процедуры и условия, порядок оформления документов для регистрации [5, л. 15–16]. Основными документами для регистрации являлись заявление от имени общины с ходатайством о регистрации, протокол общего собрания, типовой устав, список членов учредителей, список членов причта. По Иркутской губернии были разосланы циркуляры «о необходимости регистрации церковных общин в течение 2-х месяцев до 1 октября» 1923 г. [7, л. 10]. Однако, как сообщалось в информационной сводке Иркутского губернского отдела ОГПУ, к концу 1924 г. по г. Иркутску было зарегистрировано всего 18 религиозных общин [9, л. 21].

На территории БМАССР за 1923–1924 гг. регистрация религиозных обществ проводилась с нарушением основных положений нормативных актов. В отчете административного отдела указывались причины сложившейся ситуации: со стороны органов управления – «спешность работы и отсутствие на местах руководящих материалов»; со стороны самих общин – «незнание представителями этих общин основных формальных требований... вследствие неправильно составляются Уставы общин, списки учредителей». К 1924 г. было зарегистрировано 26 православных групп верующих, незарегистрированной значилась 81 группа православных [2, с. 339]. В целом работа по регистрации носила затяжной характер и не была завершена даже в 1925 г.

Во второй половине 1920-х гг. наметилось смягчение антирелигиозной политики государства, получившее в литературе условное название «религиозный НЭП», хотя власти Байкальского региона по-прежнему не отказывались от администрирования в отношении церкви. Исключение составляла БМАССР, где к полной реализации декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви приступили лишь с конца декабря 1925 г. Именно поэтому вторая половина 1920-х гг. на территории БМАССР отмечена резким всплеском административного притеснения в отношении религиозных обществ.

В рассматриваемый период приоритетным направлением государственной политики стал комплекс мер экономического давления на деятельность религиозных организаций, духовенства и верующих. Национализация земель и богослужебного имущества, контроль за хозяйственной деятельностью православных общин, многочисленные факты налогового произвола местных органов (завышение оценочной стоимости культовых зданий и уровня доходов духовенства) и т. д. являлись составляющими экономического давления государства на церковь. Неуплата налогов считалась серьезным нарушением условий договора региональных властей и религиозных организаций, что могло привести к его расторжению. Местные финансовые

органы стремились контролировать не только постоянные церковные доходы, но и разовые поступления (исполнения треб, кружечные сборы, пожертвования и др.), включая авторский гонорар за исполнение музыкальных и вокальных произведений. Наряду с экономическими притеснениями органы власти на местах осуществляли различные ограничительные мероприятия (проверку церковных архивов, сохранность предметов религиозного культа и др.).

Стремясь восстановить свое влияние, патриаршая церковь начала подготовку к созыву Второго Поместного собора. Необходимость созыва собора поддержали и священники на пастырских совещаниях в Байкальском регионе. Основные проблемы, которые требовали своего разрешения, касались церковного имущества и храмов, регистрации православных советов и духовно-учебных заведений, возвращения церковных библиотек в ведение органов епархиального управления, разрешения печатания церковных книг и преподавания Закона Божия, духовного образования для епископата и клира и др. Однако на рубеже 1928–1929 гг. время относительно спокойных контактов государства с религиозными организациями сменилось полосой длительного воинствующего противостояния, на смену которому пришли массовые репрессии. Уже к концу 1920-х гг. имели место многочисленные факты прямых репрессий по отношению к духовенству в виде арестов, высылки за пределы региона, содержания в тюрьмах и др.

Ужесточение действующего законодательства о культурах (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»), дальнейшие меры по ограничению гражданских прав священнослужителей и активных мирян осуществлялись в ходе коллективизации и индустриализации. Закрытие церквей сопровождалось крупномасштабными кампаниями по сбору колокольного металла и других материальных ценностей в интересах промышленности.

На территории Байкальского региона в 1930-е гг. были реализованы все основные компоненты ликвидационного процесса: изъятие культового имущества, снятие колоколов, непосредственное закрытие храмов, аресты, обыски, преследования не только духовенства, но и простых верующих. По данным НКВД, на территории Восточно-Сибирского края уже в 1928 г. было закрыто 90 из 349 действующих церквей, а к 1935 г. – 272 церкви, 11 – «были намечены» к закрытию [10, л. 16].

Кульминацией антирелигиозной политики в Байкальском регионе стали акты вандализма по отношению к культовым зданиям, приведшие к их уничтожению. Так, в г. Улан-Удэ в 1936 г. была взорвана Спасская церковь, в Чите – Александро-Невский собор. В 1930-е гг. прошла серия процессов над священнослужителями, которым инкриминировалась организация свержения советской власти. На территории Байкальского региона были раскрыты: в 1930 г. монархическая контрреволюционная организация в Забайкалье; в 1933, 1937 гг. – контрреволюционная церковно-монархическая организация в Иркутской области [17, с. 229–231, 233, 256, 261–263].

К концу 1930-х гг. религиозный вопрос как в стране, так и в Байкальском регионе был решен полностью и окончательно. Проблема церковно-

государственных взаимоотношений при помощи административно-репрессивных мер со стороны власти пришла к своему логическому завершению. Однако в вопросе искоренения религиозного мировоззрения и насаждения атеистической идеологии антирелигиозная политика власти не принесла ожидаемых результатов. Власть не смогла поставить под контроль религиозную жизнь общества, верующие становились «внутренними эмигрантами», а религиозные ценности продолжали оставаться основой духовно-нравственного состояния населения.

Таким образом, церковно-государственные взаимоотношения в рассматриваемый период на территории Байкальского региона представляли собой процесс эволюции от лояльных взаимоотношений до открытой конфронтации, вызванной реализацией нормативно-правовой базы по отделению церкви от государства. Маневрирование региональной власти, обусловленное обстановкой социально-экономической модернизации, оказало влияние на динамику сокращения социального значения религиозных институтов. В целом попытки государства жестко регламентировать ситуацию не привели к усилению новых трансформационных процессов и временно законсервировали положение по принципу «отложенного конфликта».

Список литературы

1. *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М. А. Бабкин. – М. : Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2007. – 532 с.
2. Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика : очерки и отчеты. 1923–1924. – Верхнеудинск : Бурят-Монг. изд-во, 1925. – 380 с.
3. Власть труда. – 1922. – № 117.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. р.-422. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАЗК. Ф. р.-422. Оп. 1. Д. 106.
6. ГАЗК. Ф. р.-422. Оп. 2. Д. 831.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 297. Оп. 2. Д. 25.
8. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 16.
9. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200.
10. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 329.
11. *Дроботушенко Е. В.* Проблемы историографии Русской Православной церкви в Восточном Забайкалье (XX – начало XXI в.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. : материалы XV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. – С. 145–149.
12. Иркутская летопись. 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и прим. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Отгиск, 2004. – 848 с.
13. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн [и др.]. – Иркутск : Востсибкнига, 2012. – 800 с.
14. История религиозных учреждений Восточной Сибири: Тематический путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области / авт.-сост. Е. А. Луговская. – Иркутск : Отгиск, 2017. – 256 с.
15. *Леонов С. В.* Антицерковный террор в период Октябрьской революции сквозь призму историографии // Вестн. ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 2 (57). – С. 38–55.

16. *Цыремпилова И. С.* Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники / И. С. Цыремпилова. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2008. – 134 с.

17. *Цыремпилова И. С.* Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона) / И. С. Цыремпилова. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2008. – 300 с.

Historical Experience of the Relationships between State and Russian Orthodox Church on the Territory of the Baikal Region in 1920–1930s

I. S. Tsyrempilova

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude

Abstract. The article analyzes the evolution of relationships between local authorities and Russian Orthodox communities in the Baikal region in the 1920s -1930s: from neutrality to open confrontation. Self-sufficiency of Irkutsk and Transbaikalian dioceses, their dominant position as regards the number of followers and clergy, opulence of church property and other factors determined the directions of state policy, the full-fledged implementation of which in the Baikal region commenced in 1920. The following key aspects of relationships between state and church in the 1920s – 1930s should be outlined: reorganization of eparchial administrative bodies, nationalization of property, forfeiture of church valuables, renovationist schism, registration of religious communities, economic pressure, closure of religious buildings, repressions against the clergy and laymen.

Keywords: state, Russian Orthodox church, relationships, antireligious policy, repressions.

Цыремпилова Ирина Семеновна

*доктор исторических наук, профессор,
и. о. проректора по научной работе
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
тел.: 8(3012)23-29-83
e-mail: irina161073@mail.ru*

Tsyrempilova Irina Semenovna

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Vice-Rector of Research
East-Siberian State Institute of Culture
1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031
tel.: 8(3012)23-29-83
e-mail: irina161073@mail.ru*